

ПОМЕСТЬЕ ДАУНТОН

Козылка

МАРГАРЕТ
ЙОРК

Поместье Даунтон

Маргарет Йорк

Поместье Даунтон: Хозяйка

«Яуза»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Йорк М.

Помесье Даунтон: Хозяйка / М. Йорк — «Яуза»,
2015 — (Помесье Даунтон)

Новый любовный роман от автора бестселлера «Помесье Даунтон: Начало». Приквел самого популярного телесериала, побившего рекорды «Великолепного века», «Гордости и предубеждения» и «Джейн Эйр». Трогательная история брака по расчету, превратившегося в любовь на всю жизнь. Но, оказывается, завоевать сердце любимого куда проще, чем пронести страсть и нежность через долгие годы. Как стать для мужа не только возлюбленной, но и советчицей во всех делах огромного помесья, настоящей хозяйкой Даунтона? Выдержит ли брак Кору и Роберта проверку временем, невзгодами, ревностью, потерей первенца? Хватит ли у нее сил и терпения, чтобы сберечь и аббатство, которому грозит финансовый крах, и собственную семью? Как найти общий язык с леди Вайолет, заслужить уважение прислуги и вывести на чистую воду вора-управляющего? Станет ли в конце концов для Роберта жена важнее Даунтона и готов ли он ехать за ней хоть на край света, чтобы спасти свою любовь?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Йорк М., 2015
© Яуза, 2015

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Маргарет Йорк Поместье Даунтон: Хозяйка

Margaret Yorke

«DOWNTON MISTRESS»

© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2015

Глава 1

– Кора, ты не устала? – В голосе Эдит слышалась искренняя забота. Это была не простая вежливость – золовка на самом деле беспокоилась о здоровье невестки. Кора носила первого их с Робертом ребенка, и все надеялись, что родится мальчик – наследник, столь необходимый Даунтону. Но если родится девочка, маленькой Кроули будут рады не меньше.

– Нет, я могу гулять полдня. Давай посмотрим еще вон там – мне кажется, вдоль этой дорожки будет хорошо смотреться жимолость. Мистер Симпсон обещал, что послезавтра привезут саженцы. – Кора была полна решимости не терять ни дня.

– Ты можешь, но это не значит, что ты должна. Только эта дорожка, и все! Иначе мама замучает меня своими укорами.

Кора рассмеялась:

– Эдит, ты превращаешься в мою компаньонку. А ведь недавно в мои обязанности входило следить за тобой... Посмотри, как красиво! – Она обвела рукой окрестности, словно открывшаяся панорама была ее личной заслугой.

Впрочем, Кора имела право гордиться: за полгода ее активной деятельности в Даунтоне многое изменилось. Когда через несколько месяцев после свадьбы отношения Кору и Роберта окончательно зашли в тупик, принося обоим вместо радости лишь огорчение, супруг под надуманным предлогом предпочел удрать в Африку. Его мать, леди Вайолет, уехала к старшей дочери на континент, а Эдит отправилась к родственникам в Шотландию. Задумывалась ли свекровь, каково будет невестке в поместье одной? Формально Кору приглашали в Шотландию вместе с Эдит, но последняя предпочла остаться.

Когда-то отец говорил, что одиночество у достойного человека способствует размышлениям и труду, а у недостойного – лени и праздности. Кора доказала, что она достойная дочь своего отца, – вернувшись, вдовствующая графиня Грэнтэм не узнала собственное поместье. В заметной степени Даунтон преобразился благодаря стараниям и деньгам Кору.

Нет, она не перевернула все с ног на голову, Кора вообще постаралась переделать лишь малый дом и территорию вокруг него. Получилось столь удачно, что леди Вайолет вопреки собственному легкому презрению к невестке-американке стала советоваться с ней по поводу обустройства остальной части поместья, а потом и вовсе отдала парк и округу на откуп Коре.

Начало весны в окрестностях Йорка – прекрасное время, воздух свеж, хотя и прохладен, молодая зелень сочна, во всем чувствуется пробуждение.

Кора вдохнула полной грудью и огляделась. Земли Даунтона сейчас казались ей лучшим местом на свете. Давно ли Кора страдала из-за несоответствия природы Йорка природе Лонг-Айленда, где она родилась и выросла? Пару лет назад Кора просто не поняла бы того, кто поинтересовался, существует ли что-то лучше их поместья в Ньюпорте. Казалось кощунственным само сравнение старого Лондона и молодого энергичного Нью-Йорка.

Но сейчас она была готова согласиться, что места лучше Даунтона нет. Когда произошла перемена? Если бы Кора заглянула в свое сердце, она бы поняла, что любовь к Даунтону, хотя и зародилась во время перестройки, которую она затеяла, но по-настоящему окрепла вместе с любовью к мужу. После того как отношения с Робертом стали действительно супружескими, изменилось и отношение к поместью. Раньше она просто переделывала и обустроивала, теперь же вкладывала душу. Результат не заставил себя ждать. Весна еще толком не началась, а вокруг уже многое цвело и собиралось цвести до поздней осени.

Река Фосс неширока, но ее берега весьма живописны. Поля и перелески, редкие невысокие холмы и много-много зелени. Зеленая северной Англии иная, чем на Лонг-Айленде возле Нью-Йорка, – столь же буйная, но не такая броская.

Кора смотрела на дорожку к мосту через реку и прикидывала, как та будет выглядеть с кустами цветущей жимолости с одной стороны. Получалось неплохо.

Хитрость английских садов – сажать кусты только с внутренней стороны прогулочных дорожек, это открывает великолепные виды и одновременно прячет сам парк от чужих глаз.

– Решено – кусты, которые привезут завтра, пусть высадят здесь!

– Кора, посмотри, в соседнем поместье кто-то поселился...

Эдит указывала на большой дом на другой стороне реки.

Дом стоял далеко, но все равно видно, что вокруг него что-то происходит. Там суетились люди, а из каминной трубы вился дымок.

– Ого! Кажется, Найт-Хилл наконец купили. Интересно, кто будет нашим соседом?

Кора едва заметно улыбнулась нетерпению Эдит. Конечно, той было скучно, несмотря на возможность заниматься любимой живописью и совершать длительные прогулки по поместью. Юная леди жаждала новых знакомств, встреч и простых разговоров не только о красотах природы и живописи. Ей попросту хотелось замуж! И это правильно, ведь Эдит была представлена ко двору как раз в тот сезон, когда умер ее и Роберта отец граф Грэнтэм. Траур вынудил Грэнтэмов прервать отдых и уехать в поместье. Эдит любила отца и горевала вполне искренне, но прошло уже полтора года, даже вдовствующая графиня Грэнтэм, леди Вайолет, сменила строгий траур на повседневный и стала изредка навещать родных и знакомых, пусть не в Лондоне, но в Йорке. Для Эдит такие визиты не просто скучны, но временами невыносимы из-за необходимости выслушивать бесконечные соболезнования и сочувственные речи. Большинство говоривших положенные случаю слова искренне сочувствовали по поводу внезапной смерти графа Грэнтэма, он был любим всеми, но Эдит предпочитала скорбеть без посторонней помощи.

Девушка обрела отдушину в дружбе с женой брата, особенно после того как стало ясно, что отношения Роберта и Кору наладились и та беременна.

После африканского ранения Роберта, бессонных ночей у его постели и спасения умирающего фактически руками Кору и ее чернокожей служанки Нэнси, отношение к Коре в Даунтоне изменилось, ее перестали воспринимать как заокеанскую поклонницу титулов. Постепенно даже леди Вайолет осознала, что Кора больше дает Даунтону и Кроули, чем получает взамен, что она ничуть не похожа на свою мать, излишне энергичную Марту Левинсон, и вполне достойна Роберта. Но сознавать – одно, а признавать – совершенно другое. Пока леди Вайолет не признала невестку настоящей графиней Грэнтэм – вот родит сына, тогда, возможно... Мало получить титул графини Грэнтэм, выйдя замуж, его еще надо заслужить, став настоящей графиней. По мнению леди Вайолет, Кора пока не доказала свое право считаться таковой. Все упиралось в будущего наследника.

– Поживем – увидим...

Они уже шли обратно, когда заметили вдалеке коляску леди Вайолет, возвращавшейся из Йорка.

– Надо поторопиться, не то получим выговор от мамы, – вздохнула Эдит.

И все-таки они не успели. Когда девушки вошли в дом, голос за что-то распекавшей лакея Доминика леди Вайолет уже разносился по дому.

Оказалось, вдовствующая графиня не только выговаривала Доминику, но и давала дворецкому мистеру Бишопу и экономке мисс Эрлин наставления по поводу ужина.

– Кажется, мама кого-то пригласила, – шепнула Эдит Коре.

Судя по тому, как распорядилась леди Вайолет, ожидалась гости, по крайней мере один.

– Мама, ты кого-то пригласила к нам?

– Да, в Йорке меня познакомили с нашим новым соседом. Найт-Хилл, по ту сторону реки Фосс, купил американец, весьма приятный в общении. Вашего общества прибыло, Кора. Вы

сможете обсуждать с ним прелести Нью-Йорка, он оттуда. – Последняя фраза была произнесена таким тоном, словно Кора только и делала, что говорила о Нью-Йорке.

Но Кора вдруг разволновалась, сердце беспокойно забилося. С чего бы, мало ли жителей в Нью-Йорке? Конечно, редко кому из них по карману купить поместье близ Йорка, да и немногим такое пришло бы в голову, все равно надеяться, что это окажется знакомый, не стоило. Кора с трудом сдержала волнение, стараясь равнодушно поинтересоваться именем нового знакомого леди Вайолет.

– Мистер Генри Невилл. Я пригласила его к нам на ужин, вернее, он попросту направился. Мистера Невилла представила леди Фрэнсис Индик, я не смогла отказать. – Леди Вайолет сокрушенно вздохнула, мол, навязался очередной заокеанский нахал, считающий, что деньги дают ему право претендовать на положение в английском обществе. – Леди Вирджиния тоже придет, а вы знаете, как я не люблю эту болтушку!

Кора преувеличенно долго поправляла цветы в большой вазе, и это, естественно, не ускользнуло от внимания Эдит. К счастью, леди Вайолет была слишком увлечена выражением собственного мнения по поводу леди Вирджинии, чтобы заметить волнение невестки (или она лишь сделала вид, что не заметила?). Зато Эдит поинтересовалась:

– Кора, ты знакома с мистером Генри Невиллом?

– Да, и Роберт тоже. Если мистер Генри Невилл из Нью-Йорка, то это напарник моего отца.

Теперь вмешалась и леди Вайолет:

– Странно, что он не поставил вас в известность о покупке соседнего поместья. Или все же поставил?

Кора посмотрела в глаза свекрови твердо и почти с вызовом:

– Не поставил, леди Вайолет. Да и как мистер Невилл мог это сделать, если я не состою с ним в переписке?

– А ваш отец? Или тетушка?

– Я переписываюсь с леди Бельмонт, но, мне кажется, она тоже не знает о решении мистера Невилла купить поместье в Англии.

Леди Вайолет так и не удалось ничего выведать у Кору, и вдовствующая графиня призналась, что мистер Невилл произвел на нее достаточно приятное впечатление.

– Он сказал, что привез вам весточки от ваших родных.

Кора едва не взвыла – как можно было начать не с этого?! Но под внимательным взглядом свекрови сдержалась и спокойно улыбнулась:

– Вот как. Мне будет приятно их получить...

Леди Вайолет мысленно усмехнулась: Кора явно делает успехи и мало похожа на свою мать. Едва ли ее мамаша, миссис Марта Левинсон, сдержалась бы при таком известии. Пожалуй, из Кору можно воспитать новую графиню Грэнтэм...

И все равно леди Вайолет предпочла бы, чтобы следующей графиней Грэнтэм была англичанка знатного происхождения. Никакие деньги не заменят родословную.

Когда леди Вайолет наконец удалилась к себе, Эдит взволнованно зашептала Коре:

– Этот тот Генри, за которого ты могла выйти замуж? Вы ведь знакомы с детства?

Кора едва заметно улыбнулась – все, связанное с жизнью в Нью-Йорке, в том числе и дружба с Генри, теперь казалось таким далеким...

– Думаю, ты права, это тот самый Генри Невилл, раз он привез приветы от моих родных. И я могла выйти за него замуж, если бы пожелала, но дружить с ним с детства мы никак не могли, хотя знакомы давно.

– Как хорошо, что ты выбрала Роберта! Расскажи мне о Генри?

– Зачем?

- Интересно... Роберт будет ревновать!
- Да, – вздохнула Кора. Именно этого она и боялась.

На кухне Даунтона тоже спорили.

– Ты считаешь это правильным?! – возмущалась старшая горничная Эллис.
– А что тут такого? Что плохого в том, что я хочу перейти на работу в соседнее поместье, где мне предложена более высокая должность и лучшая оплата? Разве мы принадлежим Даунтону или давали клятву вечной верности? – отбивался от ее нападков Джон.

– Джон, ты хитрый, как обезьяна.

– Что тут происходит? – голос дворецкого мистера Бишопа был подобен грому с небес.

Все невольно вытянулись, словно на параде. В полной тишине слышался только насмешливый голос кухарки мисс Битон:

– Нашего Джона попытались переманить в соседнее поместье, там объявился новый хозяин. А Джон сманивает и Эллис!

– В Найт-Хилл появился хозяин?

– Да! – с видимым удовольствием сообщила кухарка, словно продажа соседнего поместья была ее личной заслугой. – Американец! – теперь в ее голосе слышалось ехидство: несомненно, происхождение нового владельца Найт-Хилл воспринималась ею как личное оскорбление.

Каким-то непостижимым образом оба этих чувства соседствовали в душе мисс Битон.

– Та-ак...

Договорить он не успел. Из поездки в Йорк вернулась хозяйка, следовало ее встретить.

Пока мистер Бишоп и мисс Эрлин встречали леди Вайолет и выслушивали ее наставления по поводу предстоящего ужина (все должно быть безукоризненно и в то же время не выглядеть парадно, не королевскую чету встречаем!), слуги продолжали обсуждение неподобающего поведения Джона. Дело было не в том, что простой лакей возомнил, будто сумеет стать дворецким большого поместья. Возмущало предательство Даунтона – именно так выглядело легкомысленное согласие Джона сменить место работы.

Старшая горничная Эллис, которая так нравилась Джону, категорически отказывалась вместе с ним переезжать в соседнее поместье даже на должность экономки.

– А если завтра твой американец передумает и уедет, ты вернешься в Даунтон младший лакеем? Нет уж, лучше я останусь на своем месте. К тому же неизвестно, чего потребует новый хозяин.

Остальных, и прежде всего мисс Битон, интересовал сам владелец поместья.

– Сначала его милость женился на американке, теперь соседнее поместье купил какой-то заокеанский тип... Скоро в округе вовсе не останется англичан! Боже мой, куда катится Англия!

– Мисс Битон, думаю, вы преувеличиваете. Если Англия куда-то и катится, то вовсе не из-за американцев, их не так много вокруг Йорка. Англию губят свои нувориши, которым все равно, где и какие фабрики строить, как портить пейзаж и природу. – Тон лакея Эдварда выдавал его волнение.

– О, Эдвард оседлал любимую тему! Теперь держитесь, промышленники и торговцы. К счастью, американец разводит лошадей, а не строит спичечные или аммиачные фабрики, – фыркнул Джон, оскорбленный отнюдь не Эдвардом, а открытым пренебрежением Эллис к его гениальной задумке стать дворецким при Эллис-экономке.

Они бы еще долго перемывали косточки американцам вообще и новому соседу в частности, не забыв и предательства Джона, но вернулась мисс Эрлин, сообщившая о предстоящем визите мистера Невилла и необходимости приготовить подобающий ужин. Это дало повод Джону воскликнуть:

– Ну вот, даже графиня Грэнтэм намерена принять американца достойно!

– Это не повод, чтобы переходить к нему на работу! – фыркнула мисс Бишоп, явно намеренная испортить ужин.

Но хорошую экономку не обмануть. Она подозрительно прищурилась:

– Мисс Битон, хорошо ли вы поняли указание миледи? Ужин должен быть на высоте! К тому же американец придет не один, его привезет леди Фрэнсис Индик, а уж она-то не пропустит никакой оплошности в нашем приеме.

Кухарка лишь вздохнула. Американец был не прост, раз умудрился быть представленным Грэнтэмам леди Фрэнсис Индик. Не принять нельзя, испортить тоже. Мисс Эрлин права, малейшая оплошность будет замечена и раздута до гигантских размеров как неумение хозяев Даунтона соответствовать высоким требованиям этикета.

Предательство Джона как-то сразу отошло на второй план, но ненадолго. Спустившаяся после обеда горничная леди Эдит Эмма вдруг заявила, что не против перебраться в соседнее поместье, потому что ей надоело сидеть младшей горничной при молодой леди. Джон мстительно ухватился за это пожелание:

– Эмма, я сегодня же поговорю с мистером Невиллом! Собственно, я не называл ему имени будущей экономки, и если ты пожелаешь, можешь немедленно отправиться туда и приступить к работе! Прекрасные условия, оплата, комната, штат прислуги и так далее...

– Откуда штат прислуги? – усомнилась растерянная под таким напором Эмма.

Джон только махнул рукой:

– Он наймет прислугу в Йорке.

– Так почему бы ему не нанять и экономку с дворецким? – раздался от плиты голос мисс Битон.

Джон в ответ на ее ехидное замечание лишь усмехнулся:

– Нанимать будет не мистер Невилл, а я, его дворецкий. Он пригласил меня на эту должность, доверив все остальное.

– Тогда мне искренне жаль и мистера Невилла, и его поместье! – не упустила возможности вставить шпильку кухарка. – А может, он переманит и нашу чернокожую Нэнси? Вот было бы здорово.

Слуги переглянулись – соперничество мисс Битон и кухарки Нэнси Аллен, привезенной Корой из Нью-Йорка, было известно, и Нэнси это соревнование легко выигрывала. Чернокожая кухарка обучалась у лучших поваров Франции, а потому умела готовить то, что оставалось недоступным для мисс Битон, учившейся у предыдущей кухарки поместья.

Обмен мнениями прервал дворецкий:

– У нас сегодня праздник или все взяли выходной, чтобы перемыть косточки соседу? Тогда почему я об этом ничего не знаю? Мне тоже можно отдыхать, болтая обо всем, что меня не касается, или это разрешено только вам?!

Слуг из столовой как ветром сдуло, лишь мисс Битон осталась ворчать:

– Мне болтовня никогда не мешала работать. А вам, мистер Бишоп, стоило бы поговорить с Джоном, не то он переманит в Найт-Хилл всех слуг.

– Пусть переманивает тех, кому обещанные золотые горы дороже Даунтона, я не стану таких удерживать! И обратно не приму, когда решат вернуться. Или будут вынуждены вернуться...

Роберт обещал приехать из Лондона вечерним поездом и добраться из Йорка в Даунтон к ужину, так что у Кору оставалось время заняться своими делами. Острой необходимости в этом не было, но ей хотелось побыть одной и подготовиться к встрече с Генри, поэтому, позвав Анну, она отправилась осматривать ту самую дорожку к мосту, откуда они видели Найт-Хилл.

Волновала ли Кору встреча с Генри? Только как свидание с собственным прошлым, с юностью, казавшейся такой далекой. Генри не просто знал мистера Левинсона и всю их семью,

он был товарищем многих занятий Кору, они не раз вместе ездили верхом, охотились, если позволяли условия, ходили под парусом... Конечно, не наедине, такое и в Нью-Йорке считалось неприличным. Генри любил, когда она играла на рояле, любил посмеиваться над юной дочерью своего напарника мистера Левинсона, а когда Роберт был в Нью-Йорке, в день рождения Кору, даже выстлал розами дорожку и крыльцо их дома в Ньюпорте.

Беспокоило лишь то, что в Нью-Йорке Невилл был влюблен в Кору и мечтал стать ее мужем. Роберт будто увел Кору из-под носа Генри, хотя Кора и без того не собиралась давать согласие на брак с давним приятелем. Кора не могла представить Генри в качестве законного супруга.

Она снова стояла на дорожке к мосту, якобы прикидывая, где посадить кусты жимолости, а в действительности размышляя, не приведет ли появление Генри к новым осложнениям в отношениях с мужем и свекровью, не нарушит ли это столь хрупкий мир в Даунтоне?

Анна наблюдала за хозяйкой. Она приехала в Даунтон вместе с Корой, была нанята еще в Нью-Йорке, хотя родилась и выросла в Южной Англии. Горничная прекрасно знала об отношениях Кору с Невиллом в Америке, знала и о том, как трудно давалось Коре налаживание супружеских отношений с Робертом здесь, в Даунтоне, а потому переживала за их будущее. Анна намеревалась посоветоваться с камердинером графа Грэнтэма Томасом – верным слугой, сопровождавшим хозяина и в Нью-Йорк, и в Африку, где тот был ранен. Именно Томас вытащил Роберта на себе, спасая его, а потом доставил в Даунтон.

А еще... Томас неравнодушен к Анне со дня их знакомства в Ньюпорте, где они встретились в загородном поместье Левинсонов. Тогда Роберт Кроули граф Грэнтэм еще только раздумывал, делать ли предложение мисс Коре Левинсон, а позже уже Кора размышляла, давать ли согласие.

Граф Грэнтэм сделал предложение, мисс Левинсон его приняла, они поженились, но настоящей семья стала не так давно, после того как Роберт вернулся из Африки едва живым и Кора выхаживала его много дней и ночей. Неужели столь тяжело рожденные отношения могут рухнуть всего лишь из-за появления американского приятеля миледи?

Анна решила вместе с Томасом встретиться с этим самым Невиллом и откровенно попросить его не портить жизнь Коре, тем более скоро родится наследник Даунтона.

Горничная не знала, что встреча с опасным соседом состоится еще до ужина.

– Миледи, – Анна кивнула в сторону моста, где появился всадник. Кто-то ехал от мистера Невилла с вежливым отказом от ужина? Хорошо бы...

Анна ошиблась, это был сам мистер Невилл, решивший до ужина осмотреть окрестности Найт-Хилла. Увидев на другом берегу Кору, он поспешил к ней через мост.

– Кора! Мисс Левинсон! Как я рад вас видеть! – кажется, возглас Генри слышали даже в доме. Анна с трудом удержалась, чтобы не заслонить хозяйку.

Невилл спрыгнул с лошади и последние метры шел пешком. Приблизился и, едва переводя дыхание от волнения, склонился к руке Кору.

– Генри, – рассмеялась Кора, в голосе которой Анна уловила те же нотки волнения, – я леди Роберт Кроули графиня Грэнтэм. Называйте меня так, пожалуйста.

– О, боже! Я не забыл, но разве обязательно делать это, когда свидетелей нет? Анна, вы ведь не выдадите нас?

Анна рассмеялась, впрочем, довольно натянуто. Она тоже считала, что не стоит позволять вольностей, которые были простительны в Ньюпорте между незамужней Корой и ее приятелем Генри Невиллом, но недопустимы для леди Роберт Кроули и ее соседа мистера Невилла, неважно, насколько хорошо они были знакомы ранее. Видимо, это почувствовал и сам Генри. Он поднял руки:

– Сдаюсь, леди Роберт Кроули. Я правильно вас назвал? У меня несколько посланий от вашего отца и матери... Простите, от мистера Левинсона, миссис Левинсон, вашей сестры мисс Авы Левинсон, вашей тетушки леди Авы Бельмонт и даже вашей подруги миссис Доутсон. Или можно просто Ава и Сьюзен?

– Давайте письма! – рассмеялась Кора.

Генри грустно смотрел на собеседницу.

– Леди Роберт Кроули, а лично мне вы не рады? Или только письмам Авы и Сьюзен?

– Конечно, рада, мистер Невилл, но связана правилами приличия куда сильнее, чем вы думаете. Генри, – она понизила голос, хотя Анна и без того не прислушивалась, тактично отстав на несколько шагов, – я словно иду по обледенелому мосту над рекой. Одно неверное движение, и беды не миновать.

– Неужели с Робертом все столь сложно?

– С Робертом нет, – улыбнулась молодая женщина, – с мужем все прекрасно. Но кроме Роберта есть еще английское общество и многочисленные требования этикета. Англия строга, тем более к американке.

Генри ненадолго задумался, потом вздохнул:

– Я понял, Кора, простите, графиня Грэнтэм, миледи, постараюсь не осложнять вам жизнь. Может, я зря купил Найт-Хилл?

Кора почувствовала укор совести. Генри был так рад их встрече, так хотел сделать ей приятное, привезя письма родных, а она все сводит к правилам приличия! Что плохого в том, что они с давним другом и напарником отца поговорят в присутствии Анны, что особенного в том, что он по-прежнему будет звать ее Корой или просто миссис Кроули, а не сложным «леди Роберт Кроули» или графиней Грэнтэм? Миледи ее называют лишь слуги или малознакомые люди.

Но Кора права, за ней особый пригляд. Там, где самой леди Вайолет позволительна некоторая фамильярность, где Эдит или леди Вирджинии простят оплошность, для Кору установлены жесткие рамки, нарушать которые нельзя. Английские правила этикета будто предупреждали: сначала докажи, что ты изучила нас до тонкостей, что принимаешь нас и не намерена нарушать даже в мелочах, и лишь потом тебе будет позволено это делать. Сравнение с переходом бурной реки по обледенелому мостику было весьма точным, но Кора намеревалась перейти на другой берег.

– Генри, я правда рада вас видеть! И мы обязательно поговорим, вы расскажете обо всех изменениях, которые произошли в Нью-Йорке и Ньюпорте за это время, расскажете о себе и своих планах. Только...

Генри усмехнулся:

– Только не стоит делать этого посреди леса в присутствии одной лишь горничной? Да, вы правы. Возьмите письма, сам я появлюсь в положенное время. Меня пригласила вдовствующая графиня Грэнтэм.

– Да, так лучше, – смутилась Кора, при этом облегченно вздохнув.

Она не догадывалась, вернее, старалась не замечать, что это облегчение больно задело Невилла. Оно говорило о том, что Кора приняла правила поведения, навязанные обществом, и готова поступиться собственными желаниями, чтобы стать своей в этом жестко регламентированном мире.

Нет, ограничений хватало и в высшем обществе Нью-Йорка, из которого Кора и Генри прибыли, каждый в свое время и по своему поводу, но те правила были не настолько строги и непререкаемы. Возможно, так лишь казалось, молодые люди выросли в обществе, отчасти являясь законодателями его моды и даже правил поведения, а потому им прощалось то, что в Англии американцам прощать никто не собирался.

Об этом думал Генри, возвращаясь в свое новое поместье. Да, наверняка так и было. В Ньюпорте в том числе и Кора диктовала моду на наряды, привезя из Европы платья без турнюров (какой ужас!), ее увлечение теннисом или почти профессиональная игра на фортепиано заставляли многих юных леди проводить время за роялем или на кортах с ракетками в руках, пытаясь хоть отчасти достичь ее успехов. Здесь же ей приходилось подчиняться и доказывать, что американская леди вполне способна быть английской графиней.

«Я глупец, ей и без того трудно, а тут еще я со своим соседством!» – Генри был готов уехать из своего нового дома немедленно. Но делать этого не стал. Все же он приглашен на ужин в Даунтон... Чем не повод остаться хоть на денек?

Теперь Невилл жалел только о том, что не поинтересовался делами Роберта Кроули. Кажется, графиня Грэнтэм говорила, что ее сын уехал в Лондон? Хорошо бы, Генри не горел желанием встречаться с Робертом Кроули, действительно уведшим в Нью-Йорке Кору буквально из-под носа.

Роберт приехал незадолго до ужина, и Кора решила сказать о предстоящем визите Генри сама, чтобы не возникло неловкой ситуации.

– Роберт, у нас к ужину гости – леди Фрэнсис Индик с дочерью и мистер Генри Невилл.

– Кто?!

– Вероятно, ты интересуешься вторым именем? – Коре хватило сил сдержаться при столь явной реакции мужа. – Мистер Генри Невилл – наш новый сосед, именно он купил Найт-Хилл.

– Почему я узнаю об этом только сейчас? И почему ты не поставила меня в известность о своем намерении снова завести дружбу с мистером Невиллом?

Коре пришлось глубоко вдохнуть и сосчитать до шести, чтобы успокоиться, прежде чем начать говорить. Ее тон остался невозмутимым.

– О том, что мистер Невилл приобрел Найт-Хилл, я узнала сегодня утром. А пригласила его к нам на ужин леди Вайолет.

– Мама? Откуда она знает мистера Невилла?

– Он был представлен ей в Йорке леди Фрэнсис Индик, которая тоже будет на ужине. Полагаю, я дала исчерпывающие ответы на твои вопросы? Остальное мне неизвестно, – но уже у двери Кора обернулась и добавила: – Да, еще... Я встретила мистера Невилла, когда вместе с Анной осматривала дорожку к мосту, планируя, как посадить кусты, которые привезут послезавтра. Мистер Невилл передал мне письма от моих родственников из Нью-Йорка. Свидетельницей нашей беседы была Анна, ты можешь допросить ее с пристрастием, и горничная подтвердит, что мы даже не подали друг другу руки, что было бы явным нарушением правил приличия. Мистер Невилл обещал больше без приглашения не пересекать границы нашего поместья. Со своей стороны я обязуюсь, завидев хотя бы его лошадь, опрометью бросаться под защиту стен Даунтона. Теперь достаточно?

В голосе Кору слышалась такая горькая усмешка, что у Роберта сжалось сердце.

– Кора, что ты? Разве я сказал что-то против посещений или вообще знакомства с Генри?

– В твоих вопросах было столько подозрительности и недоверия, что я поспешила оправдаться раньше, чем услышала обвинения. Роберт, только не говори, что ты не подумал ничего такого, иначе я сочту тебя лицемером. Я просто хотела, чтобы встреча с мистером Невиллом не стала для тебя неприятной неожиданностью. Не я ее организовала, но уже вынуждена оправдываться.

– Ты несправедлива.

Закрывая дверь спальни, Кора усмехнулась в ответ:

– Я всегда «не»...

Размышлять о справедливости или несправедливости Роберту было некогда, его камердинер Томас сообщил, что приехали леди Фрэнсис Индик с дочерью леди Синтией и мистер Невилл.

– Как мистери Невиллу пришло в голову просить представить его обществу эту старую ворону леди Фрэнсис Индик? – тихонько поинтересовалась Эдит, улыбаясь при этом весьма приветливо.

Кора тоже улыбнулась: сравнение со старой вороной было вполне уместным, леди Фрэнсис Индик и впрямь походила на взъерошенную птицу. В мать удалась и Синтия, особа столь же неприятная, сколь и желчная. Кора не могла понять, Синтия была столь желчной из-за того, что так и не вышла замуж, хотя в ее возрасте давно пора было иметь семью и детей, или ей не делали предложения, несмотря на неплохое приданое, потому, что она была настолько желчной.

Пока мать придирчиво осматривала нововведения Кору, дочь старательно следила, чтобы мистер Невилл не отвлекался от ее особы. Кора даже пожалела Генри, теперь она поняла, почему леди Вирджиния принимала у себя американца – она явно рассчитывала на будущее замужество Синтии!

Слуги Даунтона, выстроившиеся, как полагалось при появлении значимых гостей, разглядывали Генри Невилла. Горничная Мэри не удержалась, чтобы не прошептать:

– А он красивый и вовсе не черный, как Нэнси.

Джон, который уже считал себя дворецким и почти родственником Невилла, фыркнул:

– Почему он должен быть черным? Мистер Невилл хорош собой, богат и неплохо образован. К тому же не экономит на свечах.

– На чем?

– На мелочах.

Мистери Бишопу пришлось строго посмотреть, чтобы те замолчали. Джон убедился, что сделал правильный выбор, согласившись перейти к соседу дворецким. В Даунтоне ему этой должности не дожидаться, да и оплату мистер Невилл предлагал куда выше, чем у мистера Бишопа.

Сам мистер Невилл улыбнулся будущему дворецкому, в ответ Джон важно кивнул, подтверждая, что с завтрашнего дня приступит к своим обязанностям, как договорились.

Но пока этого не произошло, он вынужден прислуживать за столом и стоять навытяжку у стены, ловя каждое слово хозяев. Это особенное умение хороших лакеев – одновременно слышать и оставаться глухими. Они должны не пропустить ни одной просьбы присутствующих за столом, но умудриться не реагировать на их беседу. Джон умел, гордился этим и не сомневался, что сможет воспитать такие качества у слуг, которых подберет для Найт-Хилл. Он покосился на мистера Бишопа и слегка приосанился, подражая дворецкому, – нужно привыкать.

Джон так размечтался, представляя себя в роли дворецкого в большой столовой Найт-Хилл, что едва не пропустил знак, поданный леди Вирджинией. Это было серьезной оплошностью.

– Джон! – буквально зашипел мистер Бишоп. – Вы еще не дворецкий, будьте любезны исполнять свои обязанности!

Пришлось вернуться из мира грез к реальности.

К счастью, разговор за столом шел весьма оживленный, потому на его оплошность не обратили внимания.

Во время обеда леди Вайолет всерьез занялась исследованием родословной мистера Невилла, заставив Генри попотеть. Ему вовсе не хотелось объяснять надменным аристократкам, что он не знает своего отца, а его мать старается не выходить в свет и живет далеко от Нью-

Йорка, чтобы не портить сыну репутацию; что он заработал, спекулируя на бирже, а теперь намерен вложиться в развитие поместья, которое приобрел.

Генри был остроумен, легок в общении и говорил на хорошем английском, в отличие от многих американцев, которых даже не всегда удавалось сразу понять. Дамы были очарованы. Леди Синтия не сводила глаз с нового знакомого, ее мать тоже держалась весьма благосклонно. Но Кора обратила внимание на то, как смотрит на Генри Эдит, как слушает его ироничные речи, улыбается и даже чуть смущается, встречаясь с ним взглядом. Так недолго и влюбиться.

Заметила внимание дочери к соседу и леди Вайолет, и это не могло ей понравиться: в их семье достаточно американки, еще и американец – это уже слишком! Кроме того, Кора стала графиней благодаря браку с Робертом, но Эдит в случае такого мезальянса останется всего лишь леди Эдит.

Конечно, о браке дочери с человеком малознакомым и прибывшим издалека едва ли стоило размышлять, но леди Вайолет была предусмотрительной, она предпочитала заранее постелить солому там, где была возможность упасть. Эдит пора замуж, кровь бурлит, а в последние месяцы из-за траура девушка была лишена возможности даже беседовать с молодыми людьми. Это следовало учитывать.

Роберт разговаривал мало, внимательно наблюдая за женой, и это не укрылось от глаз Кору и самого Невилла.

Коре не терпелось узнать о впечатлении Эдит от Генри Невилла и самого Невилла от семейства Кроули, ведь в Нью-Йорке они с Робертом хоть и являлись соперниками в борьбе за руку Кору, но были едва знакомы. В домашней обстановке Роберт совсем иной, чем в гостинных на Пятой авеню в Нью-Йорке или роскошных особняках Ньюпорта на Лонг-Айленде. Коре хотелось, чтобы муж и старый приятель подружились. Бороться им теперь не за что, Кора два года замужем, любит своего супруга и ждет от него ребенка, а Невилл, кажется, всерьез пожелал стать английским землевладельцем. У Генри деловая хватка, он способен заметить выгоду даже там, где ее не увидят другие, у Роберта этого нет, и новый сосед вполне мог бы помочь. А Генри будут полезны связи графа Грэнтэма и его умение оставаться джентльменом в любой ситуации.

Кора понимала, что просто попытаться подружить двух мужчин нельзя, Роберт может неправильно все истолковать. Следовало действовать умно и осторожно.

Она видела, что леди Вайолет внимательно присматривается к новому соседу. Вообразив, что это может быть из-за интереса к Невиллу как к богатому холостяку, Кора мысленно возликовала. Лучшего союзника в привлечении Генри Невилла в Даунтон, чем вдовствующая графиня, было не сыскать. Если леди Вайолет пожелает, она сможет представить Генри обществу не только в Йорке, но и в Лондоне, не говоря уж о собственной гостиной.

Кора даже не подозревала, насколько ошибается, – меньше всего леди Вайолет интересовалась Невиллом как возможным зятем, даже гипотетическим. Напротив, графиню раздражал интерес дочери. Неудивительно, что леди Синтия ела мужчину глазами; девушке скоро тридцать, а женихов так и нет, но Эдит это не грозит, она молода, умна, хороша собой и имеет недурное приданое и родословную. Зачем ей безродный американец, пусть даже с деньгами и связями? Связями мистера Невилла можно воспользоваться, но не ради дочери!

Однако как относиться к мистеру Невиллу леди Вайолет пока не решила, всему свое время.

Когда пришло время прощаться с гостями, Кора умудрилась шепнуть Генри:

– Ну, как вам семейство Кроули?

Невилл тихо ответил:

– Пока не понял.

Это была ложь, Невилл был более проницательным, чем пытался выглядеть. Генри начал жалеть, что необдуманно купил Найт-Хилл, осознавая, сколь серьезно осложнил жизнь и Коре, и себе. К своему огромному разочарованию, Генри мгновенно понял то, чего не осознала сама Кора – выйдя замуж по расчету, она приняла Роберта и сам Даунтон всей душой. Невиллу больше, чем другим, было заметно, что она уже привязана к поместью, а Нью-Йорк с Ньюпортом считает прошлым.

Но сделанного не воротишь, Невилл – владелец Найт-Хилл, огромного поместья, которое надо обживать и осваивать. Генри решил, что станет настоящим хозяином и заслужит уважение своих арендаторов и окружающих фермеров. Но были еще соседи, такие, как приехавшие в Даунтон вместе с ним леди Вирджиния и ее дочь. Невилл прекрасно понимал, что размеры его годового дохода, сравнимого с доходами королевской семьи, помогут многим дамам закрыть глаза на его американское происхождение и постараться заполучить его в зятя. Не так много холостяков имеют огромные поместья и пятьдесят тысяч в год.

Дамы из Йорка не увидели в Эдит конкурентку, резонно посчитав, что вдовствующая графиня Грэнтэм не позволит дочери и подумать о подобном браке, с леди Вайолет достаточно брака Роберта и Кору.

Это сразу вычеркивало Эдит из списка претенденток на брак с американскими деньгами мистера Невилла и делало ее саму безопасной, а дружбу с семейством Кроули желанной. Если у Кроули в Даунтоне можно встретить мистера Невилла, то не следует пренебрегать знакомством с этим семейством. Раньше с леди Вайолет и ее семьей дружили ради нее самой, а теперь еще и из интереса к богатому американцу.

Сама леди Вайолет не определилась в своем отношении к мистеру Невиллу и проявленному к нему интересу, но кое-что задумала в отношении невестки. Роберт все же граф Грэнтэм, а Кора его супруга, строгий траур закончился, им пора выходить в свет, а Эдит – искать достойную партию.

Гости тоже полагали, что Кроули пора возвращаться в люди.

– Ах, леди Вайолет, больше всего мы в Йорке жалеем, что из-за траура вы не могли принимать участия в деятельности нашего Комитета. Нам вас так не хватает! – В голосе леди Вирджинии слышались слезы, впрочем, достаточно фальшивые, чтобы им поверили. Уж она-то радовалась отсутствию вдовствующей графини – своей главной конкурентки в дамском Комитете, в котором без леди Вайолет ей удавалось играть одну из главных ролей.

Об этом помнила и сама вдовствующая графиня. Сдаваться без сопротивления, даже из-за траура, она не собиралась. Теперь она могла кое-что себе позволить – конечно, не балы и приемы, но участие в спокойных чаепитиях Комитета.

К тому же у леди Вайолет появилась еще одна мысль.

– Леди Вирджиния, я могу изредка присутствовать на заседаниях Комитета, если на них не обсуждают темы праздников. А в таких случаях готова вместо себя порекомендовать леди Роберт Кроули. Молодая графиня Грэнтэм, возможно, внесет разнообразие в уже привычную деятельность дам Йорка.

Это предложение было столь неожиданным, что леди Вирджиния сразу не смогла ответить, чем и воспользовалась леди Вайолет:

– Вот и прекрасно! На следующее заседание я привезу с собой невестку. Милая Кора сумеет развлечь дам рассказами о том, как все происходит в Нью-Йорке.

Что это было, зачем леди Вайолет понадобилось привлечь Кору к деятельности Комитета? Что могла знать о деятельности комитетов юная американка? Что задумала свекровь Кору? Это оставалось на совести леди Вайолет. Позже она скажет, что просто хотела таким способом ввести невестку в круг дам Йорка.

Уезжая, гости взяли с леди Вайолет слово, что та непременно придет на следующее заседание Комитета, которое состоится в ближайший вторник у миссис Вильямс.

Когда коляска с щебечущими дамами скрылась из вида, а леди Вайолет отправилась к себе лечить головную боль, Роберт поинтересовался у Кору:

– Ты всерьез решила заняться общественной деятельностью?

Кора вздохнула в ответ:

– Роберт, скажи, это непременно часть имиджа леди?

– Вообще-то, да. Мама заседала во всяких комитетах и попечительских советах и занималась благотворительностью с тех пор, как стала графиней Грэнтэм.

– Вот ты и ответил на свой вопрос. Ты хочешь, чтобы я была достойной графиней Грэнтэм? Значит, я буду заседать, решать насущные вопросы и устраивать деревенские праздники.

– Еще тебе придется пить чай с любительницами позлословить и выслушивать их нелепые сентенции о воспитании молодежи и упадке нравов.

– Потерплю... Интересно, о чем говорят между собой джентльмены, собираясь в клубах? О женщинах?

Роберт рассмеялся:

– Это мужская тайна, но так и быть, тебе я ее приоткрою. Мы стараемся поддерживать ваше заблуждение, что говорим о дамах. В действительности мы обсуждаем политику, лошадей, проигрыши в карты или на скачках или просто молчим. Это тоже приятно, ведь не всегда удается провести час в обществе молчаливых людей.

– Из этого следует сделать вывод, что вы готовы скрываться в клубах, только чтобы не слышать дамского щебета?

Муж притворно вздохнул:

– Дорогая, большинству джентльменов только так и удастся скрываться от галдящих детей, споров супруги с горничными или дворецким, а также от общества не всегда приятных дам.

– Теперь я буду знать, что, если ты отправляешься в Лондон, чтобы побывать в клубе, значит, тебе надоели наши споры и наше общество.

– Что-то я не помню, чтобы ты спорила с мисс Эрлин...

Неизвестно, сколько продолжалась бы их словесная дуэль, но вернулась Эдит, которая вместе со своей горничной Эммой провожала Генри Невилла, чем вызвала приступ ревности у леди Синтии и недовольство ее матери.

Между матерью и дочерью даже состоялся соответствующий разговор по дороге домой.

– Эта Эдит Кроули явно заинтересована в мистере Невилле, мама.

– Успокойся, дорогая, леди Вайолет никогда не позволит состояться второму мезальянсу в своей семье. Но, думаю, ты права, если Эдит не составит конкуренцию, то может помешать... Следует самим представить обществу мистера Невилла, не прибегая к помощи Кроули. Завтра же пошлю ему приглашение на обед и постараюсь, чтобы получилось не хуже, чем в Даунтоне.

– Я слышала, в Даунтоне какая-то особенная кухарка.

– Чепуха, я знаю их кухарку, ничего в ней особенного. Правда, сегодня обед был поразительно вкусен и разнообразен. Может, научилась чему-то новому?

– Да, суфле воздушное, а пирог изумительный! И жаркое тоже не передержано...

– Синтия, перестань морочить мне голову жарким! Лучше подумай о том, как нам заполучить мистера Невилла. Я навела справки у леди Вайолет, у него очень много денег. Знай я об этом раньше, ни за что не повезла бы его в Даунтон.

К счастью для Генри, он хоть и подозревал, что стал объектом охоты со стороны незамужних девиц и их мамаш, но не догадывался, насколько все серьезно. Когда в отсутствие женихов перед дамами встает выбор пристроить засидевшуюся дочь за состоятельного человека без титулов или вообще оставить старой девой, они выбирают первое. Блеск золота нередко затме-

вает сияние родословной, особенно если у дочери, кроме титула, приданого почти нет. Генри Невилл с его деньгами был весьма желанным кандидатом в супруги для многих молодых леди.

В гостиной к Коре подошла Эдит:

– Мне нужно поговорить с тобой.

– Да, Эдит, конечно. Что-то случилось?

Кора заметила легкую озабоченность золовки, неужели что-то произошло между ней и Генри? Если так, то события развиваются слишком быстро, Эдит и Генри едва знакомы. Оказалось, хотя Генри косвенно и повинен в изменении настроения Эдит, но не так, как предполагала Кора.

– Мистер Невилл предложил перейти к нему дворецким нашему лакею Джону.

– Я слышала об этом. Джон сегодня работает последний день. Мистер Бишоп говорил, что через два дня приедет новый лакей.

– Это не все. Джон попытался переманить с собой на место экономки Эллис, но та отказалась, зато согласилась Эмма!

– Твоя Эмма решила стать экономкой у мистера Невилла? Но едва ли она сумеет справиться с таким большим поместьем, там будет много слуг и большое хозяйство! Во всяком случае, Генри говорил о своем намерении обосноваться в Найт-Хилл всерьез.

– Конечно, не справится. Но ведь дело не в том, она тоже уйдет послезавтра, и я останусь без горничной! Мисс Арчер не станет обслуживать и маму, и меня, а брать горничной, например, Мэри я не хочу. Она может стараться сколько угодно, но причесать меня не сумеет, да и вообще...

– Эдит, выход есть. Ты можешь отпустить Эмму хоть завтра, если она того пожелает. Ты забыла о моей второй горничной, Дейзи, у нее ловкие руки и веселый нрав. И ей надоело жить в Дауэрхаусе почти в одиночестве.

– Ты думаешь, Дэйзи мне подойдет и согласится?

– Конечно. Отпускай Эмму.

Реакция мистера Бишоп была более жесткой:

– Обрато не приму!

А Кора написала приятелю довольно сердитую записку: «Мистер Невилл, если вы хотите сохранить добрые отношения с соседями, не стоит переманивать их слуг к себе».

Невилл немедленно прислал ответ с извинениями: «Леди Роберт Кроули, я вовсе не намерен кого-то переманивать. Джон предложил мне свои услуги сам, а остальных слуг подбирает он. Если чей-то уход вас не устраивает, я откажусь от услуг этого человека. Впредь займусь приемом слуг лично и привезу всех из Лондона. Прошу принять мои извинения».

Отъезд Генри Невилла в Лондон для подбора слуг сорвал планы леди Фрэнсис Индик и ее дочери заполучить богатого молодого человека в свой дом, минуя Даунтон. Но они вовсе не считали возможности упущенными.

Кора предпочла сама сказать Роберту о переписке с соседом, пока об этом не рассказали другие.

Тот удивился:

– Ты писала Невиллу? О чем?

– Попросила больше не переманивать слуг, если желает оставаться в хороших отношениях с соседями.

– Я посоветовал ему это же. Он принял Джона дворецким. Более неудачный выбор сделать трудно. Все, чему научился Джон у мистера Бишоп, – это напускать на себя важный вид. Но у мистера Бишоп это соответствует содержанию, а у Джона всего лишь видимость. Впрочем, это дело мистера Невилла.

– Он пообещал впредь нанимать слуг в Лондоне.

– И это его дело. Мы не настолько дружны, чтобы навязывать ему свое мнение.

Кора хотела сказать, что настолько и даже больше, но вовремя прикусила язык, удивившись самой себе. В Нью-Йорке она уже высказала бы Генри все, что думала о слугах и переглядывании с глупой леди Синтией, но здесь вынуждена молчать. Роберт прав, не дело леди вмешиваться не в свои дела.

Дорожка, ведущая к мостику, не была единственной заботой Кору, а являлась составной частью променада Даунтона. Кора решила создать его после того, как обустроила почти все вокруг Дауэрхауса – малого дома на территории поместья. Когда-то этот дом принадлежал аббатству Даунтон, по названию которого стало именоваться и само поместье. Кроули он достался в качестве приданого леди Вайолет, долго стоял закрытым, хозяевам было достаточно огромного дворца Даунтонхауса. Потом в нем жили, пока шел ремонт во дворце, который сами Кроули предпочитали скромно называть домом. Когда Роберт был в Африке, а леди Вайолет и Эдит навещали родственников, в Дауэрхаусе жила Кора, затеявшая перedelку дома и окрестного парка.

Теперь очередь дошла до парка всего поместья. Кора доказала наличие художественного вкуса и разумное видение пространства, к тому же она отремонтировала Дауэрхаус на собственные средства, а потому леди Вайолет не возражала против ее деятельности во всем Даунтоне, разумеется, исключая дворец.

Тогда родилась идея прогулочных дорожек – большой и малой. В поместье Левинсонов в Ньюпорте это были дорожки для верховой езды, но в Даунтоне конные прогулки не столь популярны и совершаются только в соседний Йорк.

Кора сидела за роялем в Дауэрхаусе, когда ее лакей Арчи сообщил, что привезли саженцы.

Садовник уже разбирал большие ящики и мешки, распорядясь, куда какой нести.

– Миледи, нам нужно сегодня посадить все, иначе некоторые растения могут погибнуть, они слишком долго путешествовали в неподходящих условиях.

– Почему, разве они так давно выкопаны в питомнике?

Садовник замялся, что совсем не понравилось Коре.

– Мистер Элтон, в чем дело? Мистер Симпсон привез негодные саженцы? Если это так, то ничего высаживать не стоит, ни к чему терять время и силы, чтобы потом выкапывать и выбрасывать.

– Не все растения хороши, миледи, некоторые просто не подходят для выбранного вами места, а астильб мало.

– Рассады я заказала достаточно и остальное выбирала тщательно. Пойдемте, посмотрим...

Немного погодя она считала и считала до десяти, чтобы не закричать от возмущения. Привезли не тот сорт жимолости, не тот цвет рододендронов, и астильб действительно было маловато.

Управляющий лишь пожимал плечами:

– Миледи, меня заверили, что этого будет вполне достаточно, чтобы посадить три сотни растений.

И снова Кора мысленно считала до десяти...

– Мистер Симпсон, я понимаю, что вы не интересуетесь садовыми растениями и совершенно в них не разбираетесь, но, в таком случае, будьте добры по пунктам выполнять то, что написано, а не действовать по чьему-то совету или полагаться на собственные суждения. К тому же где вы приобретали саженцы?

– А в чем дело, миледи?

– Большинство из них годны только для свалки. Они выкопаны давно или попросту выбракованы.

– Я действительно не слишком сведущ в выборе рассады, меня заверили, что это прекрасные образцы...

– Прошу вас больше ничего не покупать самостоятельно и не верить на слово. Хорошо, что у нас еще есть время для новых посадок. Я сама съезжу и куплю.

Мистер Симпсон снова лишь пожал плечами, но Кора успела уловить в его взгляде некоторое беспокойство, что подтвердило подозрения о нечестности управляющего.

– Молодая графиня ничуть не лучше остальных! – объявила, войдя в кухню, старшая горничная Эллис.

– Это еще почему? – на всякий случай осторожно поинтересовалась младшая горничная Мэри.

– Горничная леди Вирджинии рассказывала, что та поучает всех, как выполнять их работу. Горничным указывает, как застилать постель, кухарку учит готовить пудинг, дворецкого чистить серебро, а кузнеца подковывать лошадь.

– У нас тем же занимаются мистер Бишоп и мисс Эрлин.

– Но не вдовствующая графиня! Леди Вайолет никогда не вмешивалась в то, как работает садовник, а миледи вмешивается.

– Миледи вмешивается в работу садовника? – подала голос от плиты кухарка.

– Да, и еще как!

Это услышал пришедший на обед камердинер Роберта Томас и усмехнулся:

– И правильно делает. Вернее, хорошо, что контролирует не садовника, а мистера Симпсона. Сегодня привезли растения, которым место на мусорной куче, а ведь они стоили миледи немалых денег.

– Кто заставлял миледи покупать растения для парка?! – фыркнула кухарка, которая никак не могла простить Коре появление в Даунтоне чернокожей Нэнси Аллен. Соревнование между кухарками длилось уже давно, выигрывала Нэнси. В случае именитых гостей или каких-то приемов миссис Битон удалялась, поджав губы и оставляя поле боя за чернокожей мастерицей, которая с легкостью готовила то, что миссис Битон было не под силу. Зато потом миссис Битон два дня демонстративно отмывала, скоблила и дезинфицировала все, чего касались руки Нэнси.

Нэнси попросту не замечала сердитого пыхтения и неприятия, она готовила обеды и ужины для гостей и удалялась в Дауэрхаус как ни в чем не бывало.

Первое время слуг забавляло это противостояние, потом все признали, что кулинарные способности Нэнси много выше, чем у миссис Битон, с удовольствием лакомились ее стряпней и втайне ждали следующего приезда гостей, которых из-за траура в Даунтоне бывало немного.

– Никто миледи не заставлял, но доверять это мистеру Симпсону вообще не стоило, – заявил помощник садовника Уилл, которому пришлось повозиться, разбирая привезенные саженцы.

Слуги еще долго обсуждали бы вмешательство Кору в дела садовника, но в кухню на обед спустился дворецкий, чье появление пресекало любые попытки злословить по поводу хозяев лучше всяких выговоров. Все знали его нелюбовь к подобной болтовне, а потому сделали вид, что говорили о погоде.

– Так вы будете высаживать растения сегодня? – невинно поинтересовалась Эллис у Джона, едва завидев мистера Бишопа.

– Мы уже посадили, что можно, остальные ящики ждет мусорная свалка.

– Что за нелепое расходование средств?! Лучше бы обновили плиту! – подала голос кухарка, обиженная несправедливостью.

– Что не так с плитой, миссис Битон? – сурово приподнял бровь дворецкий.

– Ее пора чернить!

– Разве это не дело слуг? Я должен вызвать кого-то из Лондона, чтобы вашу плиту немного покрасили?

– Я заставлю сделать это Клару, хоть, Господь свидетель, она ленива до безобразия и почернит как попало.

– Давно бы так и поступили, вместо того чтобы обсуждать действия миледи. – Было ясно, что мистер Бишоп не потерпит разговоров не только о леди Вайолет или графе Грэнтэме, но и о молодой миледи. Неважно, что она американка.

У мистера Бишопы была еще одна причина поддерживать Кору – он радовался, что миледи заметила воровские наклонности управляющего и пыталась пресечь их или хотя бы показать, что все видит. Ни прежний граф Грэнтэм, ни нынешний, его сын Роберт, не желали слышать о подобных подозрениях от дворецкого, которому было жаль денег семейства Кроули, явно оседавших в бездонных карманах управляющего. Может, миледи заставит молодого графа прислушаться и проверить счета?

– До завтра, миссис Битон...

На эти весьма приветливые слова лакея Доминика кухарка никак не отреагировала. Она поправила капор и решительно направилась прочь от дома, сделав вид, что не замечает тронувшуюся следом коляску. Кучер окликнул ее как можно приветливей:

– Миссис Битон, погодите, я не успеваю за вами.

– К чему вам успевать за мной?

Кухарка сделала вид, что не подозревала о паре лошадей, великолепной легкой двухместной коляске и кучере на козлах.

– Миледи приказала отвезти вас в Йорк, если вы собрались туда.

Конечно, миссис Битон хотелось уточнить, какая именно миледи, их теперь в Даунтоне две, но она сочла это унижительным и ехидно поинтересовалась:

– А если не туда?

– Тогда куда скажете. Садитесь, начинается дождь, вы промокнете.

Кухарка уселась в ландо с оскорбленным видом, кучер Гарри дернул поводья.

– Куда вас везти?

– В Йорк!

Поездка миссис Битон в Йорк означала, что в Даунтоне гости, готовить для которых будет Нэнси Аллен. А поскольку миссис Битон находится одновременно с Нэнси в кухне не могла никоим образом, она вынуждена брать выходной. В последнее время выходные участились...

В Даунтоне и впрямь гости, хотя и не столь знатные, чтобы демонстрировать все умения Нэнси, приобретенные ею за время обучения во Франции, – к леди Вайолет приехали две дамы из Йорка, якобы напомнить о работе дамского Комитета. А в действительности чтобы поглазеть на Кору и разузнать о новом владельце поместья Найт-Хилл, «этом американце».

По слухам, невестка леди Вайолет, новая графиня Грэнтэм, знала мистера Невилла еще в Америке. Конечно, дам интересовало, насколько мистер Невилл дик, не носит ли он перо в волосах (да-да, преподобный отец Диксон утверждал, что у американских индейцев перья – обычное украшение) и каково его состояние.

Прочитав послание, в котором дамы просили позволить им навестить леди Вайолет, она хмыкнула:

– Кора, полагаю, нужно отправить записку мистеру Невиллу с приглашением к нам на обед.

– Мне? – удивилась Кора.

А потом свекровь будет говорить, что она излишне много внимания уделяет своему прежнему американскому другу...

– Хорошо, я напишу. И попросите Нэнси приготовить обед, у нас будут дамы из Комитета.

В результате хлопот Кору, Нэнси и самой леди Вайолет на обед собралось вполне приятное и занятое общество – сама вдовствующая графиня, две заклятые подруги из Йорка миссис Вильямс и леди Кэтрин Фэрфакс с дочерью леди Гарриет, а также Роберт, леди Эдит и двое американцев – Кора и Генри Невилл.

Нэнси появилась в кухне, приветствовала всех своим зычным голосом и, закатав рукава, принялась орудовать у плиты. Кажется, ее даже не удивило отсутствие некоторых кухонных принадлежностей – кухарка просто отправила Мэри за недостающим в Дауэрхаус. Миссис Битон не впервые поступала столь некрасиво – прятала необходимые мешалки, сковороды или черпаки, на время покидая кухню.

Чернокожая кухарка умела делать несколько дел сразу, под ее руками все резалось, крошилось, смешивалось и натиралось мгновенно, а потому немного погодя по кухне и всему нижнему этажу уже разносились умопомрачительные запахи, свидетельствующие о том, что у плиты Нэнси. К впечатляющему облику рослой чернокожей кухарки давно привыкли, хотя не все воспринимали ее одинаково. Младшая горничная Мэри, помогавшая Нэнси в Дауэрхаусе, толстуху обожала, а Эллис, хотя и была доброй и справедливой, примириться с особенностями Нэнси не смогла и делала все, чтобы избежать обедов или ужинов, приготовленных ею. Капризничал и Джон, относившийся к Нэнси с пренебрежением. Дворецкий мистер Бишоп и экономка Даунтона мисс Эрлин вели себя сдержанно.

Но Нэнси косые взгляды и нежелание угощаться ее великолепной стряпней совершенно не задевали, она готовила для своей обожаемой Кору, а уж кто будет или не будет есть вместе с хозяйкой, не столь важно. В кухне Нэнси священнодействовала, это была ее стихия, как и выхаживание больных.

За обед можно не волноваться, дамы Йорка непременно останутся довольны, поскольку не все кухарки окрестных поместий умели готовить столь изысканные блюда даже по отдельности, тем более – целый обед.

Какой бы талантливой кухаркой ни была Нэнси Аллен, дам из Йорка больше обеда интересовали Кора и Генри Невилл, особенно последний. Кору они уже видели или хотя бы знали о ней, а вот загадочный владелец Найт-Хилл... По слухам, у него столько денег, что он готов восстановить огромную конюшню и разводить лошадей. И ремонт Найт-Хилл шел быстрыми темпами.

Поэтому, когда леди Вайолет на правах хозяйки представила дамам мистера Невилла, те буквально впилась в Генри взглядами. У миссис Вильямс две незамужние племянницы, а у леди Кэтрин еще одна дочь, к сожалению прихворнувшая, а потому не сумевшая приехать.

Генри выдержал атаку женских глаз совершенно спокойно. Зато Кора не удержалась и тихонько заметила мужу:

– Тебе не кажется, что несчастного Генри готовы потащить под венец прямо отсюда?

Роберт внимательно посмотрел на жену.

– Почему же несчастного? Возможно, мистер Невилл будет счастлив, обретя семью в окрестностях своего нового имения.

– Роберт, его же попросту разорвут на части! Я это имела в виду.

Обед удался. Мистер Генри Невилл не имел перьев в волосах, более того, у него были прекрасные манеры. Не ловелас, но и не дикарь, своих планов относительно обустройства и расширения Найт-Хилл не скрывал.

– Мистер Невилл, в таком поместье должна быть хозяйка! Непременно, – слишком кокетливо для дамы в годах уверяла леди Кэтрин Фэрфакс.

– Сначала я обустрою дом и парк, а потом приглашу туда будущую миссис Невилл.

– Она уже выбрана, мистер Невилл? – Миссис Вильямс, как весьма пожилой даме, позволено совать нос в личные дела малознакомых соседей.

– Нет, пока нет.

Понимал ли Генри, на что себя обрекает? Вероятно, да, не столь уж сильно нью-йоркский высший свет отличался от английского. Молодому человеку с деньгами объявлять о свободном сердце одинаково опасно по обе стороны океана. Кора отметила, как заблестели глаза гостей, особенно леди Гарриет, почувствовавшей, что упускать выпавший шанс преступно. Пока мистер Невилл еще не познакомился с другими незамужними девицами в Йорке, его нужно связать каким-то обязательством!

– О, мистер Невилл, вы непременно должны устроить если не бал, то хотя бы танцевальный вечер под руководством нашего Комитета, не правда ли, мама?

Леди Кэтрин поддержала дочь:

– Да, мы поможем вам, пока у вас нет миссис Невилл.

– Тогда я спокоен, – рассмеялся Генри.

Леди Вайолет постаралась рассадить всех так, чтобы Генри и Роберт оказались между приехавшими дамами подле нее, а Кора и Эдит в конце стола. Кора обратила внимание на то, как напряженно Эдит прислушивается к беседе Невилла с остальными. Неужели Эдит понравился Генри? О, это было бы чудесно! Кора ничуть не сомневалась, что сумеет убедить Невилла в том, что лучше Эдит ему никого не найти.

Она окунулась в мир грез, упустив общую нить разговора, за что едва не поплатилась. Но сказала полезная привычка размышлять о своем, машинально слушая, что говорят вокруг. Кора ответила на какой-то вопрос дам, не задумываясь. Судя по тому, что они не ужаснулись, ответила разумно. Два внимательных взгляда – леди Вайолет и Роберта – показали, что они заметили рассеянность графини Грэнтэм. Кора поспешила взять себя в руки.

Роберт вообще внимательно наблюдал за женой, хотя это было нелегко – справа от него сидела леди Кэтрин и беспрестанно о чем-то спрашивала.

Когда пришло время дамам пить послеобеденный кофе с изумительными кексами, а мужчинам выкурить по сигаре и насладиться портвейном, было решено, что леди Вайолет вернется к работе дамского Комитета хоть и в ограниченном объеме, зато привлечет к этой работе Кору. Но куда важнее для присутствующих оказалось обещание мистера Генри Невилла поторопиться с окончанием ремонта и при участии добровольных помощниц организовать танцевальный вечер в Найт-Хилл.

Кора подумала, что Генри отнесся к предложению слишком легкомысленно – не к самому танцевальному вечеру, а к помощи дам. Насколько она могла судить по рассказам Эдит и разговорам, которые успела услышать в Даунтоне, едва ли леди способны не перессориться между собой уже на стадии подготовки. А это будет означать, что Генри Невилл станет врагом всем сразу.

Она вернулась к обдумыванию своих подозрений по поводу Эдит и почти сразу заметила столь же тревожный взгляд леди Вайолет. Можно не сомневаться, интерес Эдит к Невиллу не был плодом воображения: если забеспокоилась мать, значит, подозрения Кору верны.

Появление Невилла словно вбило невидимый клин в отношения Кору и Роберта, и Кора не могла понять почему. Разве в Ньюпорте Генри не было рядом? Но это не заставляло Роберта ревновать или просто морщить нос. Там Невилл был на правах хозяина? Но он и здесь хозяин, поместье Найт-Хилл куда больше Даунтона, а его владелец много богаче.

Попытавшись разобраться, Кора поняла, что ее саму обижает недоверие мужа. Роберт словно сомневается в ней, не верит, что Кора способна относиться к Генри только по-дружески, как к брату, иначе как объяснить его ревность? Она помнила чувства, возникшие, когда увидела мужа рядом с красивой супругой его двоюродного брата и поняла, что между этими двумя в прошлом что-то было.

Ревность – отвратительное чувство, унижительное и для того, кто его испытывает, и для того, кого ревнуют. Оно способно разрушить самые крепкие отношения. Чтобы этого не произошло, следовало немедленно что-то придумать.

Укорять мужа или просто объяснять что-то бесполезно, ревность неуправляема и не поддается лечению разумными доводами, это она тоже знала по себе. Увидев Роберта и Кэролайн посреди улицы в Лондоне, Кора поняла, что Роберт просто беседует с женой кузена и за этим ничего не стоит, умом поверила, но сердце ныло еще долго. А каково ему, прекрасно знающему, что Генри, который в Нью-Йорке был влюблен в его жену, появился совсем рядом?

Следовало что-то срочно придумать, чтобы Роберт понял: для Кору существует только он, ведь единственное средство против ревности – убедить ревнивца, что любят его и только его. Не будь она в положении, все бы разрешилось в спальне, но они почти месяц спали врозь, общение наедине сводилось лишь к разговорам после ужина.

Попросить леди Вайолет отказать Генри от дома? Но это нелепо, к тому же они могут встречаться в Йорке и в Лондоне. Поговорить с самим Невиллом и просить уехать? Это унижительно, словно она сомневается в способности Роберта держать себя в руках.

Масла в огонь подлила Анна:

– Миледи, мистер Невилл прямо похорошел. Уверенный, вальяжный... И леди Эдит он очень понравился. А почему бы не понравиться? Наш мистер Невилл всем хорош – красивый, обаятельный, богатый.

– Анна, прекрати. Не дай бог, тебя услышит леди Вайолет.

Горничная и сама опомнилась:

– Да, миледи, не стоит...

Замечание Анны о том, что Невилл понравился Эдит, натолкнуло Кору на новую мысль. Генри и Эдит... Почему бы нет? Прекрасная пара. Денег у Невилла куда больше, чем у Роберта. Леди Вайолет, конечно, не будет в восторге от зятя-американца, но если Эдит влюбится, то сумеет настоять на своем. И Роберт поможет.

Осталось только влюбить этих двоих друг в друга. В этом нет ничего особо сложного, Генри и Эдит явно чувствуют взаимную симпатию, а от симпатии, тем более если в окружении нет никого другого достойного, до влюбленности один шаг.

И Роберт, когда поймет, что жена сватает его сестру и Невилла, перестанет ревновать. А дружить семьями и поместьями вообще прекрасно. Общие праздники, общие выезды на природу, конюшня, какие-то дела...

Итак, ей следовало:

– влюбить Генри и Эдит друг в друга;

– придумать совместные дела и развлечения для Даунтона и Найт-Хилл;

– подружить Роберта и Генри!

Кора так раз мечталась, что перестала ощущать реальность. Ей казалось, что все будет от такого поворота в восторге, как она сама. А как же иначе?

Но не зря говорят, что благими намерениями выстлана дорога в ад. Казалось, стоит лишь чуть-чуть подтолкнуть друг к другу этих двоих, и в поместьях воцарится настоящий рай.

Беда лишь в том, что так думала одна Кора. Мысли Роберта были противоположны.

Роберт понимал, что Кора не приглашала Невилла в Найт-Хилл и не сообщала ему о продаже соседнего поместья. Но Генри Невилл приехал и купил земли и дом, расположенные по ту сторону небольшой речки, через которую перекинут маленький мостик. Разве преграда то, что на мостике не разъедутся две кареты?

Невилл приехал и стал, по мнению Роберта, главной угрозой для их с Корой брака!

Роберт не доверял супруге, о которой точно мог сказать, что она верна и любит мужа? Доверял, но в отличие от витавшей в облаках Кору прекрасно понимал, что человек не властен над сердцем и сегодня любящая мужа Кора способна попросту смутиться сердцем под влиянием старого приятеля и нового соседа.

Роберт не боялся физической измены, зная порядочность жены, но его пугал блеск в глазах Кору, которого сегодня не заметить было невозможно. В том, что этот блеск вызван присутствием Генри Невилла, сомневаться не приходилось.

Если бы Роберт знал, какие мысли вызвали блеск глаз Кору, если бы она рассказала ему о своих грандиозных матримониальных планах, возможно, они просто посмеялись бы и все закончилось. Но Кора не рассказала, а Роберт не спросил, они так и остались каждый со своими мыслями и планами, противоположными и взаимоисключающими, потому что Роберт тоже заметил интерес, проявленный сестрой к соседу, и решил не допустить продолжения этого интереса и постараться сократить общение с новым соседом до коротких приветствий при встрече.

Так поневоле двое близких людей превратились в соперников.

И Кора начала действовать раньше мужа.

Стояла прекрасная погода, дул легкий ветерок, разгоняющий надоедливых насекомых, покинувших свои зимние убежища, светило солнце, заливались птицы. Упустить такую прекрасную возможность поработать с этюдником было глупо, и Кора, словно невзначай, предложила Эдит вспомнить про краски и холсты. Та горячо поддержала предложение, и две молодые леди в сопровождении лакеев и горничных отправились на природу.

Также невзначай нашелся прекрасный вид на реку и соседнее поместье вдали.

Когда установили мольберты и надели передники, Кора отпустила лакеев, а Анне и Дейзи разрешили устроиться рядом в беседке.

Некоторое время возились с красками, а потом углубились каждая в свой пейзаж, но позже сам по себе возник разговор о вчерашнем визите хозяина Найт-Хилл.

– Эдит, о чем это вы шептались с мистером Невиллом?

– Шептались? – чуть смутилась Эдит. – Нет, мистер Невилл спрашивал, люблю ли я верховую езду.

– В Ньюпорте у него великолепная конюшня. Мистер Невилл знает толк в лошадях.

– Генри рассказывал о конюшне.

Генри? Эдит зовет Невилла по имени? Это прекрасный знак!

Кора чуть помолчала, чтобы не выдать своих мыслей, и тогда заговорила Эдит:

– Мистер Невилл говорил, что намерен завести лошадей и здесь. Больше того, разводить их. Прекрасная мысль, не правда ли?

При этих словах Эдит осторожно оглянулась на беседку, в которой горничные накрывали стол для второго завтрака. Кора поняла, что она не желает, чтобы Анна или Дейзи их услышали.

– Ты уже проголодалась? Когда все будет готово, нас позовут. Не бойся, кто-то из девушек подойдет или крикнет погромче, чтобы мы услышали.

Это был знак, что в беседке не слышен их разговор. Эдит кивнула:

– Да, конечно. Знаешь, с мистером Невиллом интересно, есть о чем поговорить, он немало знает и умеет поддержать беседу.

– Да, у мистера Невилла много достоинств, ты еще сумеешь их оценить. Он хорош собой, умен, воспитан и очень богат. Почему бы не влюбиться?

– Ты... была влюблена?

Интерес Эдит к соседу сильнее любых слов выдал этот осторожный вопрос, в котором просквозила легкая ревность. Кора рассмеялась:

– Была бы, не будь мы с Генри старыми приятелями. Эдит, трудно влюбиться в того, кого видишь каждый день и кто тебе как брат. Моим старшим братом действительно был Генри, а не мой собственный брат Говард. Говард слегка презирал нас с сестрой, а Генри заботился.

Она сделала пару мазков и снова задумчиво уставилась вдаль, словно не замечая, что Эдит замерла, внимательно слушая.

– Рисовать меня учил Генри. И в седло в десять лет посадил тоже он. И в лошадях научил разбираться, и в деловых бумагах. О таком старшем брате можно только мечтать. Мне повезло.

Эдит вздохнула:

– Меня тоже ездить учил Роберт, но не больше. Он не считает обязательным для женщины разбираться в делах и счетах.

Кора рассмеялась:

– Мне кажется, Роберт и сам не очень любит разбираться в счетах. В этом их отличие с Генри. О, мистер Невилл еще разовьет бурную деятельность в Найт-Хилл и вовлечет в нее Роберта.

– Не думаю, что это вызовет восторг Роберта или мамы. Они консерваторы, им лишь бы ничего не менять.

– Ты не знаешь Невилла, Генри способен заразить своей энергией кого угодно.

Беседа подсказала Коре, что она на верном пути. Эдит явно заинтересовалась Невиллом, да и Генри был к ней очень внимателен. Убедить Генри в том, что Эдит составит прекрасную пару, труда не составит. Сестра Роберта умна и хороша собой, она не болтушка, начитанна и имеет прекрасную родословную, хотя ни происхождение, ни деньги Невилла не интересуют. Денег у Генри достаточно, а происхождение для него не играет роли.

Пожалуй, единственное, что может создать препятствие, – отсутствие родословной у самого Невилла, но его миллионы вполне способны скрыть такой «недостаток», недаром местные дамы выстроились в очередь за вниманием хозяина Найт-Хилл.

«Они ждут, а мы уже приступили к действию!» – мысленно посмеялась Кора.

– Эдит, тебе интересно общество мистера Невилла? Я бы с удовольствием возобновила знакомство с ним. Конечно, не столь тесное, как в Ньюпорте, но более близкое, чем сейчас.

– Мне интересно, но что скажут Роберт и мама?

– Роберта я беру на себя, а вот леди Вайолет... Как ты думаешь, интереса дам Йорка будет достаточно, чтобы пробудить интерес леди Вайолет?

Кора немного ошиблась – интерес к мистру Невиллу Йорком не ограничился. Не каждый день в Англию привозят миллионы, чтобы вложить их, не каждый месяц покупают огромные поместья.

Мистер Генри Невилл, переведя часть своих огромных средств из Нью-Йорка в Лондон и приобретя поместье Найт-Хилл, заставил говорить о себе не только дам, но и джентльменов Йорка и Лондона. Потратить миллион на то, чтобы купить поместье и отремонтировать его, еще столько же вложить в приобретение великолепных лошадей и ремонт конюшни и миллион положить в банк, обеспечив себе хорошие проценты, – это ли не повод для повышенного интереса, например, финансистов?

Банкиры в клубе возмущались:

– Эти американцы скоро будут на каждом шагу! Их деньги погубят нас.

– Да, Рошильды, Асторы, Вандербильты... кто следующий? Этот никому в Европе не известный Невилл? Откуда он взялся?

– Я не стану принимать его у себя, какими бы средствами он ни располагал! – опрометчиво пообещал лорд Одли.

– Но сможете ли вы это себе позволить? – усмехнулся лорд Эшли. – Он в приятельских отношениях с бароном Ротшильдом, который в свою очередь дружен с принцем Эдуардом.

– У барона Ротшильда в его роскошном Уоддесдоне побывала сама королева. Если и мистер Невилл бывает там, то куда уж нам... – вздохнул лорд Уэсли.

– И все же ему не место в наших гостиных. Да и в клубе тоже!

– Ни за что!

– Нет-нет, американцу не место в клубе!

Лорды были единодушны в своем убеждении, что мистеру Генри Невиллу даже появляться на пороге клуба не стоит, но... уже через четверть часа им пришлось изменить свое мнение, потому что принц Уэльский Эдуард решил представить своего нового, годившегося ему в сыновья, приятеля обществу. Разве могли члены клуба отвернуться от того, кого привел будущий король? Пришлось срочно забыть, что мистер Генри Невилл американец, и восхищаться его познаниями в финансовой сфере и рассуждениями о хозяйственной деятельности в поместье. Это оказалось совсем несложно потому, что Генри и впрямь не был профаном в области деланья денег.

Принцу быстро надоело слушать обсуждение финансовых вопросов, и он, напомнив Невиллу об обещании быть завтра на ужине, удалился на какую-то вечеринку. Но теперь Генри Невиллу путь в клуб финансистов Лондона был открыт. Забыв о собственном намерении не иметь никаких дел с «этим американцем», лорды наперебой стали интересоваться, во что мистер Невилл намерен вложить средства и как надолго решил обосноваться в Лондоне.

Генри скромно отвечал, что решил разводить лошадей и выставлять их на скачках, а еще заняться обустройством купленного поместья, в Англии намерен обосноваться надолго, а деньги пока положил в банк, но вложит еще, если найдет достаточно прибыльное дело. То, что он уже успел приобрести, приобретено ради собственного удовлетворения, делом он еще заниматься не начал, нужно присмотреться.

Внимательный наблюдатель легко заметил бы откровенный интерес собравшихся к словам американского миллионера. У него есть деньги и желание во что-то их вложить – разве может такой человек не заинтересовать тех, кто зарабатывает деньги на деньгах? Пожалуй, можно не обращать внимания на его происхождение, как и на происхождение его миллионов. Да и пригласить на обед его тоже можно, особенно если это будет большой прием, а не семейный ужин в узком кругу. Или все же ужин предпочтительней? Лордам оставалось решить, что лучше, и прислать мистеру Генри Невиллу приглашение.

Куда присылать? Дом на Довер-стрит. Да, мистер Невилл арендовал его, а стоит ли покупать, он еще подумает.

Оставалось мысленно сказать «Ого!» и поспешно отправить приглашение на ужин.

К сожалению, мистер Невилл не может принять любезно присланные приглашения, поскольку дела зовут его в купленное поместье, Найт-Хилл еще далек от совершенства, а потому требует неусыпной заботы. Когда в следующий раз мистер Невилл посетит Лондон, он непременно нанесет визит столь любезным новым знакомым...

Дамы немедленно попытались разузнать хоть что-то об этом миллионере. На всякий случай...

Оказалось, что мистер Невилл приобрел Найт-Хилл по соседству с Даунтоном, поместьем графа Грэнтэма. Это заставило вспомнить, что нынешняя графиня Грэнтэм тоже амери-

канка. После многочисленных восклицаний о том, куда катится мир вообще и Англия в частности, были предприняты попытки что-то разузнать у леди Вайолет.

Леди Вайолет, получив за два следующих после визита Генри в клуб дня полдюжины писем от любопытствующих приятельниц, возмутилась:

– Если их так интересует мистер Невилл, могли бы приехать и познакомиться с ним лично!

Роберт не удержался, чтобы не уточнить:

– Куда приехать, в Даунтон или прямо в Найт-Хилл? Мистер Невилл столь популярен у лондонских дам?

– У него есть деньги, а значит, будет и интерес.

– Тогда я не завидую мистеру Невиллу.

– Роберт, боюсь, что к нам потянется вереница желающих быть представленными этому нуворишу, чего мне совсем не хотелось бы.

– Что, если устроить прием и пригласить сразу всех, кто еще не знаком с мистером Невиллом?

– Ты шутишь?! – возмутилась леди Вайолет. – Я вовсе не намерена представлять обществу человека, с которым сама едва знакома. Тем более человека без имени и связей. Потом будут говорить, что это я его вывела в свет. Нет, этого не будет.

Мистер Генри Невилл обошелся в представлении обществу без ее помощи, оказалось достаточным побывать на двух-трех приемах вместе с принцем Уэльским, чтобы получить визитки от всех. Двери лондонских особняков и английских поместий оказались открыты для Генри и без содействия свекрови Кору, деньги и дружба с будущим королем – прекрасное средство.

Лондонские дамы были опечалены одним – холостой миллионер не спешил завязывать знакомства с их незамужними дочерьми. Возможно, ему нужно время, чтобы привыкнуть к лондонскому свету? Ничего, скоро сезон, регата, охота на лис, да мало ли развлечений, на которых можно блеснуть красотой, нарядами и знакомствами? Генри Невилл мог быть уверен, что о нем не забудут до начала сезона.

Леди Вайолет, осознав, что ей не придется представлять лондонскому свету мистера Невилла, немного успокоилась, хотя в глубине души была задета тем, что сосед-американец прекрасно обошелся без ее помощи. Она и сама не могла понять, нравится ей такой поворот событий или нет.

Но у нее появилось другое занятие. Строгий траур по умершему графу Грэнтэму, отцу Роберта и Эдит, закончился, леди Вайолет могла начать выезжать, пусть не в сезон и не на балы, но хотя бы представить свету невестку. Она решила начать не с Лондона, где Кору успели забыть, а с Йорка и дамского Комитета.

Леди Вайолет не желала слышать о том, что Кора блистала на балах в Нью-Йорке. Что за свет по ту сторону океана, если большинство фамилий лишь вчера стали известны даже у себя? Деньги не дают права называться светским обществом! Только человек, с рождения воспитанный в соответствующих традициях и, более того, лишь тот, в ком течет кровь аристократов нескольких поколений, сам может считаться аристократом. Даже заработав миллионы при помощи финансовых махинаций, нельзя стать светским человеком, это впитывается с молоком матери, воспитывается с пеленок, проникает в кровь и плоть с портретов предков.

Сын женился на американке с деньгами, но без родословной, с этим приходилось считаться, значит, воспитывать у невестки то, что сгладит отсутствие родословной и аристократических манер. С последним у Кору дела обстояли неплохо, она доказала, что способна вести себя как леди, но то в Даунтоне, а каково будет в обществе? Достаточно вспомнить ее мать, миссис Марту Левинсон, чтобы ужаснуться. Все дни, которые эта дама жила в Грэнтэмха-

узе на Чарльз-стрит, знакомые наносили Грэнтэмам визиты, чтобы полюбоваться на кричащие наряды и нелепые манеры матери Кору, а потом обсудить увиденное в своих гостиных. Хорошо, что траур не позволил леди Вайолет долго оставаться в Лондоне, а миссис Левинсон поспешила уехать в Европу за новыми нарядами от Ворта и новыми впечатлениями. Только это спасло их от настоящего позора.

Тогда леди Вайолет хватило четырех дней. Она поклялась, что не выпустит Кору на всеобщее обозрение, пока не научит вести себя в обществе.

Теперь две графини Грэнтэм – вдовствующая и нынешняя – отправились из Даунтона в Йорк на заседание дамского Комитета, как и обещала своим приятельницам леди Вайолет. Эдит простыла и осталась дома хлюпать носом.

– Кора, я очень надеюсь, что вы не дадите повода осуждать вас. Только не миссис Фоксли! Одному Богу известно, сколь тяжкий урон вашей репутации она способна нанести по ничтожнейшему поводу.

– Я постараюсь не дать ей повода сделать это. Вы ведь это обещание ожидали услышать от меня, леди Вайолет?

Леди Вайолет невольно нахмурилась. Ожидать от невестки полного подчинения и идеального поведения не стоило, но Кора могла бы действительно постараться смягчить углы, если бы такие образовывались.

Та, видно, и сама поняла, что ответила слишком резко, и произнесла извиняющим тоном:

– Не беспокойтесь, леди Вайолет, за последние два года я не забыла, как вести себя в обществе. Я постараюсь не уронить чести Даунтона и семейства Кроули.

Леди Вайолет услышала легкую горечь в голосе невестки и обратила внимание на первую фразу. Кора права, почти два года из-за траура в семье Кроули, а потом из-за отсутствия Роберта и остальных она не имела возможности бывать в обществе и вела замкнутый образ жизни. Вдовствующая графиня впервые серьезно задумалась о том, каково было все эти месяцы невестке – молодой женщине из очень богатой американской семьи, привыкшей блистать в свете, имевшей все, что только можно пожелать за деньги, женщине, от которой собственный супруг после нескольких месяцев брака попросту удрал в Африку, а родственницы поспешили отправиться по своим делам. Леди Вайолет привыкла в поступке Роберта винить Кору, но сейчас задумалась, так ли это? Кора с честью выдержала испытание, не вернувшись к отцу в Нью-Йорк, не заведя интрижку, напротив, занявшись их поместьем, обустройством Даунтона и особенно малого дома – Дауэрхауса.

– Кора, я не хотела вас обидеть, просто предупредила, что миссис Фоксли опасна. Будьте осторожны.

– Леди Вайолет, я помню о том, что любая дама, любой джентльмен, любая ситуация очень опасны для молодой леди, особенно если она прибыла из Америки.

Слух о том, что леди Вайолет приедет на заседание Комитета с невесткой, а та давно знакома с богатым американцем из Найт-Хилл, встревожил дам Йорка. Непонятно, кто интересовал их больше, Кора или Невилл, но посмотреть на новую графиню Грэнтэм собрались не только члены Комитета. Тем более те, кто уже бывал в Даунтоне, загадочно молчали.

Дамы не очень старались изобрести повод посетить дом миссис Вильямс в нужное время.

– Миссис Вильямс, я совершенно забыла, что у вас сегодня собрание Комитета! Прошу меня извинить. Просто хотела поинтересоваться, как здоровье вашей племянницы мисс Смит...

Глаза пожилой леди так и стреляли по сторонам, пытаясь охватить все сразу: пришла ли невестка леди Вайолет, кто еще из дам присутствует и много ли тех, кто к Комитету отношения не имеет. Леди Адамс была третьей, кто за последний час интересовался здоровьем Элизабет

Смит, тем более ее вообще мало кто помнил. Просто найти другой повод заглянуть на минутку и остаться оказалось трудно.

В результате вместо семи дам Комитета в гостиной миссис Вильямс собралось двенадцать. Возможно, их было бы и больше, но остальные, увидев коляски подле дома, поспешили ретироваться, чтобы не выглядеть нелепо. Недоставало только той, ради которой собрались дамы Йорка, – молодой графини Грэнтэм. Большинство дам уже встречали Кору в Лондоне, когда она приезжала в сезон со своей матерью миссис Мартой Левинсон, но саму леди Роберт Кроули не помнили, зато миссис Левинсон... О, матушка Кору не могла не оставить неизгладимого следа в душах строгих дам! Наряды миссис Левинсон, ее манеру держаться и открыто говорить то, что думает, еще долго обсуждали в гостинных Лондона.

Удалось ли леди Вайолет хоть как-то привить манеры невестке?

Молодого графа Грэнтэма, лорда Роберта Кроули, тоже хорошо знали и очень жалели, что столь красивый и образованный молодой человек вынужден сочетаться браком с американкой. Конечно, этих американок в салонах и на балах становилось все больше, но пока никому не удавалось заполучить настоящего графа, чья родословная насчитывает несколько веков.

Те, кто уже побывал в Даунтоне, хранили таинственное молчание, словно знали нечто такое, о чем даже шепотом говорить было опасно. Интерес к Коре оказался не многим слабее, как если бы в Йорк собралась сама королева!

Когда в гостиную вошла леди Вайолет, все головы как по команде повернулись к двери и установилась полная тишина. Было слышно, как у кого-то скрипнул корсет.

Леди Вайолет почувствовала, как ее словно отодвигают взглядами в сторону, чтобы не мешала смотреть на невестку. Вдовствующая графиня Грэнтэм к подобному не привыкла и такого интереса к невестке не ожидала. Она решила представить Кору обществу, которого та была столько времени лишена, но вовсе не собиралась делать ее королевой дамского собрания!

И все же уступить первенство пришлось.

Придирчивые взгляды буквально раздели Кору, мысленно заглянув даже под корсет, потом одели и разобрали платье по бантику. Ей пришлось постараться, чтобы выглядеть элегантно и строго одновременно. Она не знала отца Роберта и не носила по нему полный траур, но как член семьи старалась соблюдать определенные ограничения. К тому же ей не хотелось, чтобы кто-то догадался, что она в положении.

Дамские взгляды и суждения особенны. Нет, они вовсе не обязательно пристрастны и необъективны, просто женщины видят больше то, что хотят или ожидают увидеть, а остального умудряются не замечать. Благожелательно настроенная дама обязательно увидит у подруги очаровательный бантик на корсаже или хорошенькие сережки, а также отметит задорный смех и манеру изящно оттопыривать мизинчик, не обратив внимание на отсутствие талии, которое неспособен скрыть никакой корсет, громкий смех и позапрошлогодний безвкусный фасон платья. Неблагожелательно настроенная – наоборот. При этом обе будут абсолютно искренни в своих заблуждениях.

Неудивительно, что одной части дам Кора категорически понравилась, второй столь же категорически не понравилась, а третья косилась на подруг, пытаясь понять, чью сторону принять. Впрочем, первых было значительно больше, а вторые намеренно выискивали какие-то несоответствия американки своему представлению об английской леди.

Когда Кора два сезона назад была представлена ко двору в Лондоне, больше разглядывали ее мать миссис Марту Левинсон. Когда она впервые вышла в свет в Нью-Йорке в особняке знаменитейшей леди Астор, она была среди начинающих, которым хоть что-то да прощалось. Теперь скидок не делали.

Коре стало немного не по себе. В гостиной сидели дамы провинциального городка, не сравнимого ни с Нью-Йорком, ни с Лондоном. Одно ее платье, сшитое в Париже у Ворта, стоило дороже всех их нарядов, вместе взятых, а обручальное кольцо столько же, сколько все

драгоценности на их пальцах, в ушах и на шеях. Но они считали себя вправе обсуждать и осуждать ее парижский наряд, вошедший в моду даже в Лондоне лишь в этом сезоне, только потому, что она американка. Будь это просто дама из Лондона, внимали бы с восторгом и норовили запомнить фасон шляпки или расположение рюш на юбке.

Удивительно, что она стремилась выдержать этот строгий и явно пристрастный экзамен. Почему, что ей до осуждения или восторга этих провинциалок? Не все ли равно, понравится она или нет дамам, большинство из которых даже Париж знают только по рассказам, а о новинках литературы не слышали? Почему она должна заботиться о впечатлении, которое произведет на скучных старых леди, болтливых сплетниц, у которых главная забота выдать замуж многочисленных дочерей, или на этих плохо образованных дочерей?

Но Кора вежливо приветствовала всех, а потом несколько часов отвечала на глупые вопросы, терпеливо выслушивала сентенции дам в буклях (господи, ну кто сейчас такое носит!) по поводу неприличного поведения современной молодежи или рассказывала, стараясь оставаться скромной, о своей жизни в Нью-Йорке.

В Йорке нашлась своя «леди Астор» – дама столь же любопытная, сколь и не терпящая ни малейшего возражения или несогласия с ее мнением. Миссис Фоксли начала допрос, а остальные дамы внимали, затаив дыхание.

– У вас есть дом в Америке?

– Да, миссис Фоксли.

– Большой?

– Да, миссис Фоксли.

– В Америке есть большие дома?

Кора сомневалась, что дама представляет, где вообще находится Америка и какие там дома.

– В Нью-Йорке дома разные, но много больших.

– Ваш дом больше этого?

Хотелось сказать, что только бальный зал в их особняке на Пятой авеню больше всего дома, в котором они сидели, но Кора сдержалась, снова коротко согласившись:

– Много больше.

– Ваш отец богат?!

Интересно, почему это ее удивляет?

– Мистер Левинсон не самый богатый человек Америки, но, несомненно, входит в первую сотню.

– Что это значит? У вас есть выезд и лошади?

– Да, в Ньюпорте у отца личная конюшня на двенадцать лошадей.

Некоторое время дама молча смотрела, пытаясь понять, что же это такое, потом уточнила:

– Он герцог?

– Нет, миссис Фоксли, в Америке... – Кора чуть запнулась, подбирая слова, чтобы не выказать неуважение, – аристократия молода, нам пока не до титулов.

Это очень понравилось старой даме, и не только ей, многие согласно закивали.

– Да, в Англии все гораздо солидней. Мои предки жили на этих землях со времен королевы Елизаветы. Вы знаете, кто такая королева Елизавета?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.